

От бешеного дыхания кружится голова. С каждым шагом звук глушителя становится все громче и громче, сердце бешено колотится в такт ему. Затем в ноздри ударил резкий запах. Я быстро поднял голову и увидел, что вдалеке поднимается шлейф черного дыма. Не один и не два, а несколько, поднимающихся одновременно, разрушая мои надежды на спасение и возвращая в кошмарную реальность.

Бродяги напали, чтобы разрушить последнее человеческое пристанище. Бесчисленное множество их столпилось у Ворот Эдема, тех самых, через которые мы всегда проходили. Они цепляются друг за друга, как пиявки, и начинают образовывать единую волну, наступая и толкая друг друга, чтобы перебраться через стену. Текучее черное болото. Я с ужасом наблюдаю за происходящим, а потом содрогаюсь от неутоленной ненависти и ярости.

— Еще не поздно! — крикнул мне в ухо старик, и этот короткий возглас вновь пробудил мое подсознание, заставив нажать на курок и зарядить пистолет.

Да, Старый прав. Эдем сражался с врагом, который явно ещё не пал, штурм был в самом разгаре. Стены кишели людьми — от вооруженных до зубов бойцов до обычных людей в штатском. Жители Эдема еще оборонялись, мы пока не опоздали.

— Они, наверное, услышали шум и пришли, должно быть, что-то случилось внутри.

Даже в этот напряженный момент убийственный взгляд старика сканировал все вокруг, вынося приговор. Пока он говорил, меня привлек черный дым, поднимающийся к небу, и я понял, что он идет не от стен Эдема, а из глубины. Шум, который привел людей сюда? Это было необъяснимо, если только это не был, по крайней мере, большой взрыв.

А кто его устроил? Это был простой вопрос, не требующий долгих размышлений. Я быстро взял себя в руки и стал искать путь внутрь. Барьеры держались, "боевики" и горожане успешно сдерживали бродяг. Но отсутствие радиосвязи и клубы черного дыма говорили о том, что внутри произошло что-то серьезное, а больше о ситуации ничего не известно.

Кругом хаос. Невозможно было понять, что происходит, если не видеть всего этого с неба. Но даже если бы я видел всю картинку целиком, все, что я мог бы сделать, это испытать глубокое чувство сожаления. Нужно проверить, что с ребятами в общаге и офисе. Но в этот момент меня разбудил пробирающийся до костей и бьющий по барабанным перепонкам крик старика.

— Дон Юн!

Я очнулся от размышлений, и на мгновение время замедлилось. Кто-то нападает на меня? Я не вижу его, только слышу. Но мои рефлексy, более быстрые, чем осознание того, что на меня напали, определяют его местоположение, хотя я не повернул головы. Как только услышал звук, рука потянулась к кобуре, и прежде чем я успел повернуть голову в сторону, дуло моего пистолета было направлено прямо ему в голову.

Звук пули, пробивающей череп, за которым следуют брызги мозгового вещества из-под капюшона, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть, как падает тело. Я не чувствую сожаления. Механически вкладываю пистолет в кобуру и делаю глубокий вдох.

Старый стреляет по горстке бегущих неподалеку, и я поднимаю винтовку, чтобы тоже открыть огонь.

В мгновение ока восемь из них оказываются на земле, а вдалеке к нам бежит еще бесчисленное множество. Если мы останемся здесь, то окажемся в ловушке. Мы на мгновение встретились взглядами. Старый опустил оружие, достал из рюкзака прочную веревку и побежал к стене.

Меч с привязанной к нему веревкой летит по воздуху и перекидывается через стену. Старик кидал меч около трех раз, и наконец я услышал щелкающий звук: лезвие прочно зацепилось. Бросив последний взгляд на старика, я выпустил последние патроны в спешащих людей. Почувствовал запах порохового дыма в носу. Палец дергался на спусковом крючке, сердце и нервы вздрагивали от каждого выстрела.

— Дон Юн! — окликнул меня сзади старик.

Я едва успел повернуть голову и с пистолетом в руках бросился бежать, как сумасшедший. Старик уже вскарабкался по канату, как белка-летяга, и стоял на вершине, выпуская пули в приближающихся ко мне людей. Мои руки ухватились за канат, а ноги без промедления оттолкнулись от бетона.

Раз, два. Раз, два.

Когда залез на высокую стену, сердце, колотящееся вместе с неровным дыханием, резко остановилось от увиденного. Эдем уже был охвачен хаосом и суматохой: отовсюду вырывались языки пламени, бежали люди. Не в силах больше ждать я бросился по лестнице вниз со стены.

— Беги в общагу, а я в школу и офис! — проорал позади Старый.

Так как связь была потеряна, я не знал, где наши оставшиеся ребята. Учитывая близкое расположение, нам надо разделиться. Я обменялся взглядом со стариком и побежал. Сумка была давно выброшена, я вооружен минимально. Нёсся по улицам, как корабль под парусами.

Тишина и покой улиц Эдема исчезли. Дым и пламя, кровь и трупы теперь виднелись из каждого здания, а улицы, по которым я бежал, были полны бегущими людьми и преследующими их бродягами. Изредка встречались "боевики" и охрана, но их мало, большинство сражалось у Ворот.

— А-а-а!

Запах грязной одежды, грязных лиц и не менее грязной похоти наполнил воздух и заставил меня раздуть ноздри. Когда я повернулся в сторону криков, в поле зрения появились трое бродяг. Все вооружены, а лица были измазаны кровью. Радость от похоти и убийства. Даже не скрывали эмоций на своих почерневших лицах. Как всегда, они не похожи на людей.

Они были в самом разгаре охоты и только что на моих глазах убили мужчину, а стоявшую рядом с ним женщину потащили в переулок. Женщина кричит, пытается подползти к умершему, но бродяги истерически смеются и тащат ее, как животное. Я выдохнул.

Не раздумывая, поднял винтовку и выстрелил бродяге в голову, который держал женщину за волосы. Пуля убивает без сожалений. Кем бы ты ни был, какую бы жизнь ни прожил, куску свинца плевать.

Его череп взрывается с хрустом, вслед за которым вытекает бело-красная мозговая жидкость. Женщина вскрикивает, когда кровь брызгает на нее, и я вижу, как двое других удивленно смотрят на меня. Но мой пистолет движется быстрее, чем они успевают сообразить и среагировать.

Щелк! Щелк!

По одному выстрелу в каждое животное. Отработанным движением поймал их головы между прицелами, и каждый получил свою пулю в лоб.

Женщина была заморожена этим адским зрелищем. Глаза ее пусты, руки, закрывающие лицо, дрожали. Но у меня нет времени утешать женщину, имени которой я даже не знаю. Протискиваюсь мимо нее, переступаю через кровь и мозговую жидкость на полу и снова устремляюсь вперед. Ситуация складывается не лучшим образом. Все, что мне нужно — это Че Ён и остальные. Зрение судорожно смещается, взгляд устремлен на здания и пламя повсюду.

И тут — бам!

Хлопок!

Еще один.

Я убивал, убивал и убивал бродяг на своем пути. Лица зверей, забрызганные кровью и воющие в агонии, я забываю быстро. Курок взведен, дуло извергает огонь. Когда раздается выстрел, человек умирает. Неизменная формула и кровавая реальность. Я вонзаю меч в голову другого бродяги, раненного в бедро, и заканчиваю тем, что размозжаю ему череп.

Пар от кипящей ярости вырывается изо рта в рваных вдохах. Кровь, кровь, кровь! Теперь все мое тело в крови, а взгляд прикован к центральному зданию вдалеке, где находится наша общага. С губ срывается стон. Зрение было красным, как и мои руки. Я продолжал бежать, как

сумасшедший, а центральное здание уже в 50 метрах от меня.

[Дон Юн! Квак Дон Юн!]

В этот момент рация в моем переднем кармане начала громко звонить. Вынырнув из бессознательного состояния и вернувшись в реальность, я сунул руку в карман. Это был Старый, который убежал к школе и офису. Видимо, он добрался туда быстрее меня и сообщил по рации о том, что увидел. Я поспешно вытер о брюки мокрые от крови и пота руки и ответил.

— Старый!

[Все дети там, дома!]

После этого короткого крика раздаются звуки выстрелов. Я отпустил рацию. Нет, я уронил ее. Не успев дотянуться до лежащей на земле рации, бросился бежать в сторону главного здания. Руки тряслись, нервы и разум кричали от ярости. Во мне бушевали вражда и убийство.

В отличие от окружающих зданий, внешняя часть центра не пострадала. Но цела была только внешняя сторона, а суетливые тени в окнах говорили о том, что кто-то проник внутрь. Я ввалился в дверь центрального здания, где мы жили, и первое, что увидел — бродяг, что-то судорожно ищущих.

— Сука, куда они его спрятали?!

— У нас мало времени! Надо убираться отсюда, пока не появились бойцы!

Устроить им засаду? Нет, инстинкт убийства преобладал над рассудком. Правая рука переместилась в кобуру пистолета. Расстояние между мной и ними меньше двух метров. Но вместо того, чтобы целиться в них, я сделал ставку на то, чтобы протянуть левую руку.

Я схватил одного из них за горло и отбросил к стене. Выхваченное оружие направил ему в живот и нажал на спусковой крючок. Теплая кровь хлынула на пальцы, когда я схватился за пистолет.

Щелк, щелк, щелк, щелк.

Он грохочет, и кровь льется рекой. Это чувство, это прикосновение, эти эмоции, когда жизнь вытекает из человека. Темная, склизкая дикость начала обволакивать меня. Но прежде, чем один из них успел что-то сделать, я толкнул умирающего в его сторону.

Бродяга понимает, что на его товарища напали. Прицелившись в него, я смещаю дуло и нажимаю на курок прежде, чем он успевает достать свое оружие. Магазин опустошается.

Пистолет не перестает стрелять, пули летят без направления. Спины тех, кого я толкнул, дергаются, череп последнего бродяги раскалывается, когда он сталкивается с трупом и падает на пол. Коридоры центрального штаба, такие чистенькие, были заляпаны кровью и мозговой жидкостью.

Это похоже на кошмарный сон.

Я израсходовал все свои патроны. Отработанным движением большого пальца извлек пустой магазин из пистолета и выбросил. Гильзы валялись в липком кровавом болоте на полу. Но в этот момент дверь рядом распахнулась, и оттуда выскочил бродяга с криком.

— Сдохни, сукин сын!!!

Он разразился нецензурной бранью и раздирающим криком. Я быстро вскинул пистолет, чтобы выстрелить в него, но патронов у меня нет. И тут перед глазами мелькнуло острое лезвие ножа. Он пытался попасть мне в живот, не давая времени увернуться.

Но первым заговорил не я, а он.

— Что...ты...Что за нахер!?

Рука горела, как в огне. Мое зрение стало красным, и все в мире, казалось, превратилось в ненависть и Ад. Когда я медленно опустил взгляд, нож, нацеленный мне в живот, был уже у меня в руке, а бродяга, покраснев, силился его вытащить. С моей руки, сжимавшей острое лезвие, капала яркая кровь. Боли, как ни странно, не было. Может быть, адреналин заставил меня забыть о боли? Нет, боль исходила из моей груди, а не из руки.

— Че Ён! — кричу я.

Я поднял голову, прислушиваясь, и почувствовал, что из глаз текут слезы. Бродягу испугало мое резкое поведение.

— Да что ты творишь, псих! Отпусти!

В его глазах ужас. Как он ни старался, лезвие в моей хватке не отпускалось. С моих губ сорвался вздох, но не боли, а желания убить его. Кончики пальцев дернулись, когда пистолет выскользнул из моей руки. Дрожащие пальцы метнулись к мечу на поясе.

Клинок воткнулся в плоть, вызвав запоздалую струйку крови. Я рефлекторно закрываю глаза, чтобы красные брызги не попали в них. Медленно отпускаю нож и открываю глаза. Кровь, брызнувшая на лицо, горячая, она смешивается с моим остывшим потом и капает на пол. У бродяги порез на шее, и он быстро поднимает руку, чтобы закрыть рану, но фонтан крови уже не остановить. Я прохожу мимо него, когда он, умирая, падает на пол.

Пока я шел по коридору, меня продолжало пошатывать, а зрение было размытым. Я не переставал звать, а глаза дергались, как будто меня чем-то ударили. В каждой комнате коридора дверь была разбита или сорвана с петель. Они разгромили все этажи. И наши комнаты были такими же.

— ЧЕ ЁН!!!

Я прижался к косяку разбитой двери. Как бы быстро не бежал, расстояние между мной и ребенком, казалось, слишком велико. Всего два метра разделяли нас...Непреодолимый разрыв привел меня в отчаяние. Я врал себе, утешал, говорил, что этого не может быть, что этого не случится, никогда не произойдет, но все эти мысли рухнули перед лицом действительности.

Мне... было слишком страшно войти туда.

Но в этот момент тихий звук донёлся до моих ушей.

Звук, который я принял за звон в ушах, был достаточно мал, и его можно было принять за галлюцинацию, но это определенно что-то, чего я раньше не слышал. Я погрузился в отчаяние, но медленно поднял голову, и взору открылся вид на комнату через покосившуюся дверь. Нет, нет, нет. Я пополз по полу, толкнул скрипучую дверь, словно одержимый чем-то, и уловил, как из нее полились слова.

Слышу, я слышу это отчетливо.

Дыхание вырывается со всхлипом, сердце начинает бешено колотиться, разгоняя кровь по телу. Зрение проясняется. Я опёрся трясущимися руками о пол, поднимаясь на ноги, направился обратно. Грязные следы и сломанная мебель загромождали наше когда-то счастливое место. То, где, казалось, все должно было закончиться, но я держался за последний проблеск надежды.

Есть место, которое знали только мы с Кан Су Рён.

Эта кладовка всегда пустовала. Она никого не интересовала, и никто не собирался ей пользоваться. Но Кан Су Рён, нашедшая ее, была необычайно довольна и сказала "Вот здесь будем хранить еду. Тут холодно, и можно не беспокоиться, что она испортится". И воспоминания о том дне, о котором я на время забыл, привели меня к словам.

—туру-ру....

И пока я шел, шум начал превращаться в четкие звуки.

Прошел через гостиную и через балкон в соседнюю комнату, к подсобке, куда никто не ходит.

Дверь в подсобку загораживали большие коробки, поставленные друг на друга и покрытые нетронутой пылью. Но отпечатки рук на пыли говорили о том, что здесь кто-то был. Отпечаток руки, совсем свежий, точно принадлежал...Кан Су Рён.

Она не успела убежать, была здесь и что-то делала.

Я стал снимать коробки одну за другой, и в этот момент услышал всхлипы и очень знакомую песенку. Руки дрожали, когда я слушал их, и под конеч я уже просто откидывал коробки. загораживающие дверной проем.

— Папа-акула...туту-руру....Папа-акула...

Когда я открыл дверь, Че Ён пела. Она словно звала меня прийти сюда, это так пронзительно. Она была не единственной здесь. Подняв фонарик, я увидел всех наших ребятишек. Все до единого сгрудились в углу, ожидая взрослых. Из моего рта вырвался стон. Я теряю силы и опускаюсь на пол.

Че Ён открывает плотно закрытые глаза и смотрит на меня. Ее глаза уже полны слез, но как только она заметила мое лицо, они побежали по щекам. Я заставил свое слабое тело двигаться и подполз к ней, а девочка, всхлипывая, бормотала.

— Мама сказала петъ...папочка придёт....сказала подождать...

Я ничего не мог ей сказать.

Просто закрыл глаза, обнимая ее и детей, пока они плакали.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4868976>